

при всей своей индивидуальной подлинности, явился «не сам до себе, а через Арсеньева», «к следопытству инстинктивного человека Дерсу присоединяется следопытство разумного этнографа», и, будучи вроде бы антиподом автора, Дерсу оказывается его духовным двойником.

Из экспедиции 1908–10 А. посылал в хабаровскую газ. «Приамурье» путевые письма, позднее они трансформировались в «**Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края**» (1912), этнографическое исследование «**Китайцы в Уссурийском крае**» (1914) и книгу «**В горах Сихотэ-Алиня**», опубликованную лишь после смерти писателя. Дарование А. органически соединяло в себе способность к науч. прогнозу, объективному изображению природных явлений с их эмоциональным восприятием. А. обладал подсознательным чувством природной красоты, и его писательство — как процесс и как духовный акт — предельно обнажено, по-своему первозданно; недаром М. Пришвин называл талант А. реликтовым.

Арсеньев сформировался вне лит. среды, никогда не претендовал на лавры профессионального писателя, однако и его личность, и его книги были высоко оценены М. Горьким и А. Платоновым, С. Маршаком и В. Шкловским, А. Фадеевым и К. Симоновым. Книги А. многократно издавались во всем мире внушительными тиражами, а классик японского кино А. Куросава снял в 1970-х на «Мосфильме» худож. картину о Дерсу Узала, уважая А. за «способность глубоко проникать в человеческие души».

Вклад А. в русскую культуру XX в. уникален. В начале столетия он личным примером «пионера-исследователя» доказал, на что способен в одиночку честный человек, вставший, на защиту «диких аборигенов», отброшенных цивилизацией на грань вымирания. В 1920–1930-х его пафос первооткрывателя вдохновлял молодых покорителей окраинных российских территорий, и неспроста арсеньевские книги приобрели в ту пору огромную популярность. В 1960–1970-х, в условиях «экологической революции», путевая проза А. воспринималась как страстный призыв беречь заповедную природу. И всегда были и будут достойны уважения верность А. офицерской присяге, его преданность своей стране.

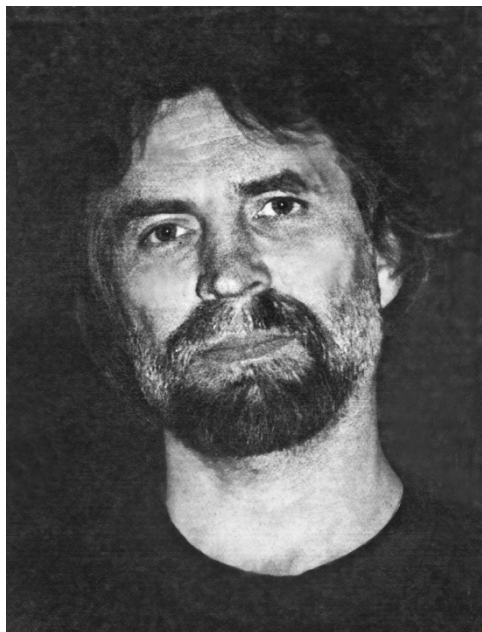
Соч.: Соч.: Т. 1–6. Владивосток, 1947–49; Избранные произведения: в 2 т. М., 1986; Избранные произведения: в 2 т. Хабаровск, 1997; В джунглях Уссурийского края. Владивосток, 1926; Лесные люди — удэхейцы. Вла-

дивосток, 1926; Жизнь и приключения в тайге. М. 1957; Из путевых дневников // Дальний Восток. 1972. № 8–9; Письма // Дальний Восток. 1975. № 7; По Уссурийскому краю. Дерсу Узала. М., 1983; Последний дневник // Рубеж. Владивосток, 1995. № 2; В горах Сихотэ-Алиня. Сквозь тайгу. М., 1997.

Лит.: Аристов Ф. Ф. Владимир Клавдиевич Арсеньев (Уссурийский) // Землеведение. Т. 32. Вып. 8–4. М., 1930; Роголь Н. В. К. Арсеньев. Критико-биографический очерк. Хабаровск, 1947; Кабанов Н. Е. Владимир Клавдиевич Арсеньев, путешественник и натуралист (1872–1930). М., 1947; Азадовский М. К. В. К. Арсеньев — путешественник и писатель. Чита, 1955; Карпов Г. В. В. К. Арсеньев. М., 1955; Лидин В. Г. Люди и встречи. М., 1957; Пермяков Г. Тропой жень-шеня. Рассказы и очерки о В. К. Арсеньеве. Хабаровск, 1965; Кузьмичев И. С. Писатель Арсеньев. Личность и книги. Л., 1977; Кузьмичев И. С. Мечтатели и странники. Лит. портреты. Л., 1992; Тарасова А. И. Владимир Клавдиевич Арсеньев. М., 1985; Хисамутдинов А. А. Его звали Арсеньев-Уссурийский: Документально-исторический очерк // Записки Общества изучения Амурского края. Т. XXXI. Владивосток, 1997; Владимир Клавдиевич Арсеньев: Биография в фотографиях, воспоминаниях друзей, свидетельствах эпохи. Владивосток, 1997; Андреев Н. Выбор Арсеньева // Вокруг света. 2002. № 4.

И. С. Кузьмичев

АРТЁМОВ Владислав Владимирович [17.5.1954, с. Лысуха Минской обл., БССР] — поэт, прозаик.

В. В. Артёмов

Воспитывался в детском доме. В 1971 окончил школу рабочей молодежи (г. Алма-лык УзССР). Учился на ф-те журналистики Белорусского ун-та (Минск), но не окончил его. Работал на станкостроительном заводе в Молодечно, художником-оформителем, дворником, экспедитором горпищепромторга. В 1981 закончил Лит. ин-т (семинар Льва Ошанина), после этого пришел в ж. «Лит. учеба».

Одной из первых внимание на поэзию А. обратила критик Л. Г. Баранова-Гонченко. А в связи с публикацией в «Лит. учебе» (1988. № 5) его поэмы **«Слово о маршале Жукове»** Г. Калюжный и В. Сорокин каждый по-своему написали о том, что в творчестве таких поэтов видят перспективу возрождения лучших традиций русской лирики: «Артемов не впадает ни в голую констатацию, ни в стилизацию под народную былинку. С точки зрения художественности поэма вполне оригинальна и самостоятельна» (Калюжный Г.— С. 48); «Поэма о Жукове соединяет в себе былинно-сказовые мотивы, она как бы вызвана к свету изустно, как бы и не поэт говорит, а кто-то за плечами поэта, за той ширию трагедии, которую „осваивает“ поэт...» (Сорокин В.— С. 50).

Дебютная книга стихов А.— **«Светлый всадник»** вышла в изд-ве «Современник» в 1989. Во внутренней рецензии на этот сб. Юрий Кузнецов отметил: «Мироощущение поэта необычно. Его стихи не похожи на обыденную действительность, к которой мы привыкли. Поэт не описывает, не отражает ее бытовую поверхность, а взламывает ее силой своего воображения, строит свой суверенный мир» (аннотация книги «Светлый всадник»).

Поэт много занимается поэтическими переводами, особенно с белорусского языка. С 1990 по 1999 работает в редакции ж. «Москва». Стихи и рассказы его появляются в периодике, неизменно вызывая живой отклик читателей. В 1997 вышел сб. избранных стихов А. **«Странник»**.

Для поэзии А. характерно бережное, деликатное внимание к фольклорной традиции (**«Вышей мне рубаху...»**, **«Странник»**, **«Выходил я в полюшко...»**, **«Осенний вечер в поле»**, **«Простор»**). Однако в этих стихах нет ни стилизации, ни увлечения внешней этнографической формой стиха — авторская манера остросовременна, энергична, экспрессивна. Нередко А. использует в своем творчестве элементы гротеска и гиперболизации (**«Гибель певня»**), большое значение в его стихах имеет игровое, юмористическое начало с налетом иронии и самиронии (**«Грустно мне после пьянки...»**,

«Докучная песенка», **«Классическая борьба»**, **«Наш ответ Кузнецову»**). Однако даже в шуточных стих. А. осязимо искренне сочувствие поэта к своим современникам.

Стихи А. органично вписаны в контекст русской поэзии, сохраняя в то же время свою оригинальность. Критик В. Славецкий отмечал: «Раскованный, разговорный акцентный стих „Плача о доме литераторов“ генетически, исторически связан с акцентником есенинского „Пугачева“... Литературных ассоциаций немало. Это и булгаковские „Роковые яйца“, и балладная традиция... Для Артемова, уроженца Беларуси, могли иметь значение описание крестьянского быта в национальном литературном эпосе...» (Славецкий В.— С. 282–283).

Загадочные черты национального характера, и темные, и светлые, непостижимые для иноземцев, рисует А. в стих. **«О русских людях»** (1995): «Какой-то странный здесь народец, / Нигде такого не бывает — / Ломают лифт, плюют в колодец / И матом речь пересыпают... / Они так страшно воевали / И возвращались, обессилев, / Их в землю по уши вбивали, / Их миллионами косили. / Всеу на свете есть причина, / Народ таинственный и жуткий, / Он отрастает, как щетина, / Из-под земли на третьи сутки».

Поэзия А. проникнута духом христианского человеколюбия, однако отношение поэта к вере не догматичное, а творческое; религиозные мотивы всегда претворяются под его пером в целостные и органичные худож. образы. Впрочем, авторская позиция выражается в высшей степени определенно и четко: «Мне все человеки дороги, / Я всем прощаю долги, / Обнимемся, бывшие вороги, / Вы больше мне не враги!.. / Спасибо за ночь недолгую, / За свет приходящего дня. / Прощаю вас, люди добрые... / Простите и вы меня!» (Светлый всадник. С. 112).

Свою писательскую миссию А. выразил в строках: «Мои стихи... При болях острых / Или когда подступит страх, / Их будут раздавать медсестры / В палатах и госпиталях». Критик Л. Баранова-Гонченко свидетельствует, что поэтический голос А. окрашен «несломленной державной волей» (Баранова-Гонченко Л.— С. 10).

А.— автор проникновенной любовной лирики. Обращение к далекой возлюбленной (**«Не кори меня, жена»**) наполнено печалью разлуки, просветленным страданием. Любовное чувство может приобретать у него вид невесомого импрессионистического переживания (**«Девушка из города Ор-**

ла...»), и трагическое ощущение конца мироздания («Я объяснил бы, да не стоит...»), и выливаться в настоящую мистерию народного восприятия природы: «Пусть и наша юность канет без возврата, / Но веселых песен мне не перепеть. / Вышей ты мне, вышей белую рубаху, / Чтоб и мне на праздник было что надеть. / Вышей мне рубаху синими цветами, / Житом, васильками, ну а по краям — / Чистыми ключами, звонкими ручьями, / Что текут, впадают в море-океан... / Вышей мне рубаху стаяй журавлиной, / Утренним туманом, ледяной росой, / Красною калиной, сладкою малиной, / А еще рябиной, горькою такой...» (Странник. С. 31).

Часто А. проявляет себя как мастер поэтической миниатюры, когда в нескольких строчках ему удается выразить свой взгляд на философскую, этическую или житейскую проблему: «Наш народ воспрянет снова, / Народит сынов, / Потому что Иванову / Полюбил Петров» (Странник. С. 57).

Во второй половине 1990-х — начале 2000-х А. много и плодотворно работает над прозой. Его первый роман «**Обнаженная натура**» (Наш современник. 1998. № 1, 2) посвящен злободневным проблемам сегодняшней жизни; напряженный сюжет способствует раскрытию разнообразных психологических типов современников. Роман написан выразительным языком, позволяющим автору детали и штрихи жизни совр. мегаполиса погружать в контекст вневременных законов бытия: «Когда он вышел из метро, рынок уже затихал. Торговцы укладывали нераспроданные за день товары в полосатые сумки, дежурные бомжи сгребали в кучу оставшийся мусор... и жгли тут же, посредине площади. Черный густой дым клубами поднимался в потемневшее небо. Закат уже отполыхал... Пахло кочевьем и дикой волей, пришедшей извне, из разбойничьих степей, где дымится сухой ковыль и воют на багровую луну темные волки...» В то же время не все заявленные в романе линии и темы были доведены до логического завершения: автор завязал узлов больше, чем сумел развязать.

Проблемы морального и эстетического плана поставлены А. в повести «**Художник Верецагин**» (2002). В начале XXI в. А. работает над циклом романов, объединенных одним главным героем — армейским офицером Родионовым («**Капитан Родионов**», 2003). В этом образе А. стремится, по его словам, «показать доблесть русского солдата и вообще сказать доброе слово о России» (**Автобиография**. С. 395). А. также является автором ряда книг по истории культуры.

На стихи А. написано несколько песен. Как поэт и журналист А. принимал участие в обеспечении ряда избирательных кампаний. Лауреат премий им. А. Фета (1995) и С. Есенина (2001).

Соч.: Программа и стихи Владислава Артемова: [Автор о своем творчестве] // Простор. 1989. № 12. С. 134–135; Светлый всадник. М., 1989; Гусли барда: [О совр. русской поэзии] // Наш современник. 1993. № 1. С. 179–180; Странник. М., 1997; Душа по капле собирает свет... [Беседа с писателем В. Артемовым / записала Н. Л. Крупина] // Лит-ра в школе. 1998. № 3; Такое вот кино. М., 1999; Обнаженная натура. М., 1999; Остроумие мира. М., 2000; Героическая история России в картинах. М., 2001; Как жили люди в Средние века. М., 2001; Художник Верецагин. М., 2002; Тюрьма и зона. М., 2002; Капитан Родионов. М., 2003; [Автобиография] // Любимые дети Державы: Русская поэзия на рубеже веков. М., 2002.

Лит.: Каложный Г., Сорокин В. [Обсуждение поэмы В. Артемова «Слово о маршале Жукове»] // Лит. учеба. 1988. № 5. С. 48–50; Огрызко В. Уметь прощать... // Лит. Россия. 1995, 10 февр.; Верстаков В. Прочитано в конце тысячелетия // Лит. Россия. 1997. 10 окт.; Славецкий В. Владислав Артемов. «Простор» и другие // Реалист. 1997. № 2; Переяслов Н. Лит-ра как сотворение текста // Десна. Брянск. 2001. № 11. С. 92–94; Баранова-Гонченко Л. Поймите лишь, каких носители вы сил! // Любимые дети Державы. М., 2002. С. 5–11.

С. М. Казначеев

АРХАНГЕЛЬСКИЙ Александр Григорьевич [4(16).11.1889, г. Ейск — 12.10.1938, Москва] — поэт.

В автобиографическом стих. А. сообщал: «Мать моя / Была по специальности швея / Отец был спец по части брадобрейской». Рано потеряв отца, после окончания городского училища (1904) А. устроился учеником телеграфиста, а затем конторщиком пароходного общества. Включившись в революционное движение, 13 месяцев провел в заключении (1907–08). После освобождения служил конторщиком в Ростове-на-Дону, с 1910 — счетчиком-статистиком в Петербурге, с 1914 по 1919 — на той же должности в Губстатбюро г. Чернигова. Там же в 1919 вышел первый (и единственный) лирический сб. «**Черные облака**». До того ранние поэтические опыты А. были представлены им Н. Гумилеву (1910) и вызвали отрицательный отзыв в силу их «неоригинальности» (Пародии. Эпиграммы. С. 10); в 1913 А. Блок занес в дневник запись об А.: «...парень без денег, но и без власти, без таланта, сидел в тюрьме, в жизни видел много, глаза прямые. Это все — тот